

Ну вот, наконец дождался я окончания публикации критической статьи А. Г. Байбородина «Поле брани Виктора Астафьева» в альманахе «Енисей» (2017. №1, 2) и дочитал её до конца. Статья—длинная, общим объёмом в 68 журнальных страниц. И странное дело, пока я читал её, меня преследовало одно воспоминание из далёкой молодости: жаркое лето, сумерки, Бердский военно-учебный полигон (подозреваю, что на этом самом полигоне во время войны проходил солдатскую учёбу В. П. Астафьев), и меня, студента в солдатской форме, проходившего летние военные сборы, «прорабатывает» на плацу дежурный сержант с красной повязкой на рукаве. Я тогда действительно провинился: после ужина, когда полагалось «личное время», собрался сигануть через двухметровый дощатый забор—за забором был обрыв, а под обрывом—широкое Обское море с огромным закатом вдали; однажды я уже лазал туда, а когда полез во второй раз—сержант меня «застукал». Я готов был понести наказание за нарушение правил, но, надеясь на снисхождение, виновато оправдывался: пишу, мол, стихи и хотел бы в своё личное время побыть в одиночестве, среди природы,—однако сержанту мои оправдания были не нужны—он всё-таки влепил мне внеочередной наряд на кухню на следующий день: с утра до ночи чистить картошку,—а, кроме того, ещё минут сорок «жучил» меня: закинув руки за спину и неспешно прохаживаясь передо мной, стоявшим по стойке «смирно», заставлял цитировать устав строевой службы, а т. к. все параграфы его вспомнить дословно я не мог—он мне их напоминал и заставлял повторять за ним, кое-какие из них при этом многословно комментируя, и, кроме того, учил жить—т. е. всегда слепо подчиняться всевозможным правилам, уставам, начальникам и командирам. А я, слушая его, думал о том, что, во-первых, у него тоже свободный час, но он не знает, как им распорядиться, а тут маленькое развлечение: поизмываться над курсантом; во-вторых, хоть он и знает, что я без пяти минут инженер, но здесь, сейчас я—весь в его власти, и главный начальник для меня в данный момент не командир части, не комбат или комроты—а только он, сержант; в-третьих, что сержант этот, похоже,

мало что в жизни знает, кроме воинского устава, и, стало быть, человек дремуче-невежественный; а в-четвёртых, думал о том, что он, конечно, может наказать меня за нарушение порядка, но думать, как он, и заставить меня жить, как он, ему слабо.

Так вот, когда я читал вышеупомянутый очерк, автор его чем-то напомнил мне того сержанта: как и тот сержант, автор статьи хотел бы построить всех писателей в ряд и заставить их думать, да, наверное, и писать тоже, как он сам, да вот не получается, и он явно этим огорчён. В том числе взялся он распекать и великого русского писателя В. П. Астафьева (успевшего скончаться за 16 лет до этих поучений), однако мало, видимо, зная и недостаточно читая, упомянутый выше автор нагородил в своём очерке столько несуразицы по поводу страны, народа, времени, да ещё и предъявил множество обвинений в адрес В. П. Астафьева, главное из которых—ненависть его к своей стране и своему народу, особенно в последние годы жизни, т. е. в 90-е годы XX века, и попутно «разоблачил» его культ среди красноярских властей, писателей, библиотекарей и музейщиков края, а также среди издателей и критиков, писавших о нём: «Жалко мне,—печалится он в своей статье,—лукавых критиков, ловких издателей и прочих деятелей, что лезут в друзья к знаменитым русским писателям, возлюбив не за слово, а за славу...».

И изложена статья этаким учительски-наставительным тоном, да ещё с обильными кудрявыми «словесы», да со множеством цитат из Евангелия, Достоевского, Ст. Куняева и самого В. Астафьева: ни дать ни взять евангельский пастырь, поучающий неразумных овец человеческого стада. Правда, этот тон и этот стиль, вместе с чрезмерным обилием цитат выглядят некоторым перебором и литературной безвкусицей; причём автор, кажется, даже не понимает, что некоторые цитаты противоречат смыслу его же разоблачительного напора; чего стоит, например, цитата: «Не судите, да не судимы будете»,—которую скорее надо отнести в адрес самого автора статьи.

Казалось бы, хозяин—барин, что хочу, то и ворочу, бумага всё стерпит. Однако же за всем

этим елейно-кудреватым многословием, да разве ещё да прямо-таки бухгалтерски точным перечислением всех государственных наград, премий и гонораров В. П. Астафьева (которые ставятся ему в укор), проступает глухая обида автора статьи в адрес «красноярского классика»: как же так, дескать, я столько раз (и опять по-бухгалтерски точно перечисляется, где и сколько) встречался и сживал с ним в дружеских застольях (даже свидетелей этих застолий перечислил)—а тот всего лишь однажды где-то упомянул о моих рассказах (обиженный автор статьи успевает напомнить об этом аж три раза)!..

И всё-таки, как говорится в народе, «за базар» (т. е. за все горы лжи и обвинений в статье в адрес В. П. Астафьева и его окружения) надо «отвечать». А поскольку сам обвиняемый классик дать достойный отпор «разоблачителю» не может, то защитить его ото лжи и обвинений взялся я. Причём ото лжи и обвинений не только со стороны автора статьи, но и со стороны всех тех, кому тоже ещё захочется поучаствовать в «разоблачении» В. П. Астафьева.

Почему я? Да потому, во-первых, что он был моим старшим товарищем по творческому делу, я его безмерно уважал и являюсь почитателем его творчества (несмотря на сложное отношение к нему самому, о чём я давно уже, в 2005 году, писал в своём многократно изданном очерке «О В. П. Астафьеве, человеке и писателе»); во-вторых, потому, что автор статьи предъявляет косвенный счёт в своих обвинениях и мне как литератору, поскольку я около 20 лет состоял в одной с ним красноярской писательской организации и даже написал о нём воспоминания, стало быть, по мнению автора статьи, был одним из его «подпевал» и «причиндалов»: «Наперебой подпевали Астафьеву,—пишет он,—литературные причиндалы, что пытались просиять, посиять в астафьевском сиянии, по пути и зашибить копейку на восхвалении енисейского классика...». И в-третьих, потому ещё я взялся защитить нашего классика, что всякая ложь и облыжные наветы должны быть непременно опровергнуты.

А теперь—мои конкретные возражения на конкретные же обвинения в адрес Астафьева и его окружения...

Возражение первое: по поводу «лукавых критиков».

Да, у В. П. Астафьева было много приятелей и собутыльников по России, и многие из них после его смерти объявили о своей близкой дружбе с ним; однако на самом деле был он необычайно щепетилен и избирателен насчёт близкой дружбы и товарищества и кого попало на слишком близкое расстояние к себе не подпускал. Если бы автор статьи открыл и внимательно прочитал книгу его писем «Нет мне ответа» (*издатель Сапронов,*

2009), изданную, кстати, в Иркутске, где обитает сам автор статьи, то понял бы, что за всю свою жизнь Астафьев близко дружил всего лишь с несколькими товарищами во всей России (среди которых—и несколько писателей), с которыми долго переписывался и был в письмах предельно открыт и искренен.

Вот что он написал, например (*в письме В. Я. Курбатову от 3 марта 1980 г.*), про Вологду, где он прожил 11 лет: «В Вологде у меня нет никакого общения. Пока мог водку пить, собутыльничать было с кем. А вот не могу, да и неинтересно стало, не веселит и водка, и нету собеседника по душе...». Примерно то же самое он писал ранее по поводу Перми, а позже—и по поводу Красноярска.

А из критиков (и литературоведов одновременно), насколько я знаю, он водил близкую дружбу всего с четырьмя: это А. Н. Макаров (Москва), Н. Н. Яновский (Новосибирск), Г. М. Шлёнская (Красноярск) и В. Я. Курбатов (Псков). Но объявить, как наш автор статьи, что они из какого-то «лукавства» и выгоды «лезли к нему в друзья»—значит, ничего не знать о жизни писателя и при этом судить о нём и его друзьях вкривь и вкось. А между тем их отношения с Астафьевым складывались по-разному и в то же время в чём-то схоже.

А. Н. Макаров (1912–1967), один из самых влиятельных критиков СССР в 1960-е годы, был членом редколлегий в журналах «Знамя» и «Молодая гвардия» и в нескольких московских издательствах. Сам Астафьев считал, что знакомство их, переросшее затем в дружбу—для него «счастье, подаренное судьбой». Знакомство это, сначала эпистолярное, началось с того, что Астафьев послал ему вышедшую в 1962 году в Москве книгу «Звездопад» с дарственной надписью. Переписка быстро переросла в дружбу, длившуюся всего 5 лет, до кончины Макарова, и если внимательно вчитаться в их переписку, то хорошо заметно, как в начале её ещё не уверенный в себе Астафьев обращается к Макарову с большим почтением как к человеку высокоэрудированному и одновременно занимавшему высокое положение в литературном мире, и при дальнейшем знакомстве регулярно высылал ему все свои книги и рукописи, прося прочитать их и дать свою оценку, а Макаров после этого писал ему длинные, многостраничные ответы, и в них—тщательная разборка текстов Астафьева. Попутно с этим критик делал письменные экскурсии в историю мировой литературы и культуры, просвещая не ахти как образованного Астафьева. То есть со стороны Макарова—это бескорыстная (подчёркиваю—бескорыстная!) и, видимо, отнимавшая много времени помощь молодому писателю, в котором он, правда, почувствовал большой творческий потенциал и много преуспел в его воспитании и образовании.

Недаром после его смерти Виктор Петрович опубликовал посвящённую ему книгу «Зрячий посох» со вставленными в собственные тексты письмами к нему Макарова, причём книга эта — восторженный гимн старшему товарищу и одновременно знак горячей благодарности своему учителю и наставнику.

Второй (в последовательности по времени) духовно близкий Астафьеву критик — новосибирец Н. Н. Яновский (1919–1990), авторитетнейший в России специалист по истории сибирской литературы и по совместительству многолетний зам. главного редактора журнала «Сибирские огни», причём сделанное им в литературоведении настолько велико, что практически не поддаётся перечислению.

Деловая его переписка с Астафьевым, начавшаяся в 1965 году, тоже быстро переросла в дружескую и длилась 25 лет, до кончины Яновского. Теперь, когда усилиями новосибирского критика и литературоведа В. Н. Яранцева она собрана вместе и опубликована (см. журнал «День и ночь», 2016, №5, 6; 2017, №1), стало понятно, что эта переписка — самая длительная, самая интенсивная и самая объёмистая в сравнении с перепиской со всеми остальными адресатами Астафьева. Они стали близкими друзьями; сближало их очень многое: оба — родом из сибирской деревни (Яновский — с Алтая), оба — участники вОВ, причём воевали при форсировании Днепра почти бок о бок; оба имели тяжёлые ранения; а главное — имели очень схожие взгляды на литературу и современную им жизнь.

Вот как писал о нём после его смерти Астафьев в письме В. Т. Невзорову (*много лет возглавлявшему Вологодское отделение Союза журналистов; письмо от 27 марта 1991 г.*): «Умер у меня в Новосибирске старший друг, умнейший человек, труженик и наставник — Николай Николаевич Яновский... Николай Николаевича садили три раза, но он остался могучим красавцем, умницей, застенчивым с друзьями и яростным с врагами, а они у него не переводились, особенно в партийных конторах. Не могли ему там прощать, что он умнее их, честнее и неуязвим ни с моральной, ни с материальной стороны...».

Так вот, Н. Н. Яновский тоже как-то не укладывается в формулу Байбородина «лукавый критик» и «подпевала».

По поводу дружбы Астафьева с Г. М. Шлёнской (1921–2012), красноярским литературоведом и кандидатом филологических наук, лучше всего расскажет сам Виктор Петрович: «Преподаёт иль, по-учёному, „читает“ литературу в нашем университете Галина Максимовна Шлёнская, бабища здоровая, отважная, ума — палата. Я иногда, к сожалению, редко, с нею встречаюсь, её подыелдыкиваю. Так однажды слушали мы вместе художественно-сценическое чтение столичным

приличным гастролёром „Руслана и Людмилы“, и по окончании, отхлопав в ладоши, Галина Максимовна сказала: „Две неточности допустит тчец“. А я ей: „По-моему, одну“, а она мне: „Нет, две!“ — и давай на ходу читать поэму, да ещё попутно почти всего Пушкина прочла. Однажды я с нею ездил в Канск, где она в местном педколледже подрабатывает... ибо вкальвает на трёх работах, чтобы прокормить семью. Поражённый глубиной её знаний, уму и памяти незаурядного человека поклоняясь, я признался ей, что всегда сожалел, что не поучился ни в каких университетах и страшно завидую тем студентам, которые учатся у неё умному, внимаю ей и самосовершенствуются, подталкиваемые ею» (*письмо В. Я. Курбатова от 2 марта 2000 г.*). В данном случае тоже нет смысла видеть выгоду от дружбы Г. М. Шлёнской с Астафьевым — он сам был заинтересован в дружбе с ней.

По-моему, эта же самая причина привела и к чисто человеческой дружбе Астафьева с литературоведом и критиком В. Я. Курбатовым, тоже человеком высокообразованным и при этом глубоко верующим, что очень важно было для Астафьева в красноярском периоде его жизни. Если внимательно просмотреть уже упомянутую выше книгу «Нет мне ответа», станет понятно, что когда он перебрался в 1980 году на постоянное жительство в Красноярск и очутился в духовном и интеллектуальном одиночестве, вдали от своих старых друзей (и одновременно — адресатов), едва ли не половину книги, начиная с 1980 года, занимают его письма к В. Курбатову. А если вчитаться в них, то станет понятно, насколько они искренни и откровенны, вплоть до жалоб на обстоятельства — особенно когда он с возрастом становился стар, начал часто болеть и страдать от бессилия, от приступов тоски и даже отчаяния. К тому же Валентин Яковлевич, будучи намного моложе и мобильней Астафьева, регулярно, несмотря на огромные расстояния и дороговизну поездок, навещал его в Красноярске и Овсянке, особенно в трудные для Астафьева времена, причём Астафьев порой сам упрашивал его приехать к нему. Так что опять не получается обвинить критика в лукавстве и своекорыстии!

Возражение второе: по поводу обвинения красноярцев в культе Астафьева среди красноярских «литературных причиндалов и подпевал, а также жаждущих погреться возле его славы, а заодно и подзаработать ловких издателей» (*цитата из статьи*).

Я не готов защищать от этих обвинений всех многочисленных гостей Астафьева, «жаждущих погреться возле его славы», но некоторые их категории защитить готов. Во-первых, у него перебывало множество журналистов, причём красноярцев среди них было мизерное количество в сравнении со слетавшимися как мухи на мёд журналистами из всех городов страны, в том числе

и из Москвы. Однако ведь это их журналистский хлеб. Как можно упрекать их за их хлеб?

Причём журналисты при встречах с известными писателями не только свой хлеб зарабатывают — но ещё и полезное дело делают: пропагандируют писателей и их творчество. Какой же здравомыслящий писатель откажется от пропаганды своего творчества? Только ведь для этого нужно одно существенное условие: чтобы писатель имел известность. У неизвестных писателей интервью не берут, потому что они никому не интересны... Но вот парадокс: чаще всего именно неизвестные писатели лбуют злословить в адрес писателей известных.

Вторая категория астафьевских гостей — известные российские писатели, философы, артисты, музыканты, театральные и кинорежиссёры. И ведь они не только не гнушались, а ещё и за честь почитали приехать в такую даль, чтобы пообщаться с Астафьевым как равные с равным и отдать ему свою дань уважения и признательности. Мало того, к нему тянулись гости со всего света: из Германии, Англии, Америки.

Хочется упомянуть персонально лишь нескольких именитых его гостей. Первый из них — А. Солженицын. Напомним, что, возвращаясь в 90-х годах на Родину из эмиграции (к которой, кстати, его принудили насильственно), он решил проехать от Владивостока до Москвы на поезде, останавливаясь в крупных городах, дабы иметь беглое представление о жизни России того периода. И единственный человек во всей России, которому он нанёс визит (и при этом беседовал один на один три часа), был Астафьев!

А два других именитых гостя — президенты СССР и России. М. С. Горбачёв прилетал на 70-летний юбилей Астафьева, был в гостях у него дома, в Академгородке. Б. Н. Ельцин посетил Астафьева в Овсянке. Но почему они ехали именно к Астафьеву, когда в Москве и вокруг было полно известных, знаменитых писателей? Дело в том, что в большой степени это были визиты политические; состоялись они в 90-е годы, в период российской «шатости» — им была очень, очень нужна поддержка всемирно известного писателя с огромным авторитетом в России и за рубежом. Так ведь автор упомянутой статьи и тут нашёлся, в чём упрекнуть нашего классика: заискивал, дескать, перед сильными мира сего! Это как же надо перевернуть всё с ног на голову: это кто же перед кем заискивал в данном случае?

И третья категория астафьевских гостей — действительно «литературные причиндалы», по преимуществу молодые литераторы, которые липли к нему, вились вокруг, смотрели ему в рот, бражничали с ним, набивались в друзья, совали свои книжки и ждали одобрения. Да, среди них было и несколько бойких молодых красноярцев (кстати, его же потом и предававших). Но большая-то

часть этих «литературных причиндалов» всё-таки слеталась со всех концов страны — часть из них перечислил сам автор упомянутой статьи; да ведь он признаётся, что и сам многократно бывал этим «причиндалом»!

Основная же часть корпуса красноярских писателей, имея достаточно чувства самоуважения, в этих литературных шабашах и запанибратских компаниях старалась не участвовать и в свите нашего короля от литературы не состоять. Правда, тому была ещё одна причина: мы все уже прекрасно знали о его прямо-таки диктаторском нраве в компаниях, не терпящем никаких возражений и любящем, чтобы ему льстили и подкакивали, поэтому предпочитали держаться от него на некотором расстоянии. Иногородние же гости-литераторы всё это, видимо, легко сносили ради удовольствия побыть рядом и пообщаться с ним.

Теперь — о культе Астафьева в красноярских библиотеках и музеях. Вот как говорит об этом сам автор статьи: «Да, культ Виктора Астафьева в Красноярске ныне столь велик и отмашист, что уже, кажется, нет музея, нет библиотеки в городе, где бы Виктор Петрович не был запечатлён классиком русской литературы. А что уж говорить о родной писателю Овсянке, о соседнем городке Дивногорске... Вот и педагогическому университету дано его имя, и вырос на енисейском берегу величавый памятник, силуэтом смахивающий на тьму памятников Ленину, где Ильич — на революционном ветру, голоуший (!), в широко распахнутом пальто».

Чувствуете, сколько здесь раздражения, иронии, насмешки над дураками-красноярцами, над их нелепым культом Астафьева? Причём верхом иронии надо, по-видимому, считать это «голоуший» (если кто-нибудь видел не «голоуший» персонажей, воплощённых в монументах — отзовитесь!).

А почему, собственно, красноярцам не гордиться своим земляком, всенародно и всемирно признанным классиком русской литературы? В СССР и России издано общим счётом около 170 его книг (только учтённых Российской книжной палатой); ни один другой классик русской литературы не издавался во второй половине XX века столь обильно. Это — не считая многих фильмов, спектаклей, музыкальных композиций по его произведениям. Словом, его творчество заняло огромную сферу культурной жизни России второй половины XX века.

А сколько его книг издано пиратским способом в постсоветское время в России и бывших советских республиках, а ныне независимых государствах — не знает никто. Он, пока был жив, сам пытался бороться с пиратским изданием их — и не мог ничего сделать. Но они продолжают и продолжают выходить, и ничто не в силах остановить их печатание. Вот и в 2017 году до Красноярска

дошли, кроме изданных в России, ещё две его объёмистых, прекрасно оформленных изданных за рубежом книги: одна в Харькове (Украина), вторая в Минске (Белоруссия).

Но вот что интересно: почему книгоиздатели и в советское, и уж тем более в постсоветское время так жаждали и жаждут издавать его книги? Ведь теперь-то издавать их никто не заставляет? Правильно заметил автор статьи: издатели извлекают из издания его книг хорошую прибыль — потому что книги Астафьева любят, охотно читают и покупают! И если он издавался и издаётся чаще и большими тиражами, чем другие советские писатели — значит, его книги любили и любят больше, чем книги его современников, как бы это ни раздражало его литературных завистников и злопыхателей.

Мало того, книги Астафьева издавались и издаются практически на всех литературных языках планеты. Как образцы художественной литературы они входят в школьные программы во Франции и Японии.

А что касается наших библиотек и музеев — что же в том предосудительного, если в них пропагандируется признанный классик русской литературы, автор текстов высочайшего художественного уровня? Особенно в наше-то время, среди разливанного моря графомании, литературной пошлости и дурновкусия!

Следующее возражение — против обвинения в том, что «родная» советская власть якобы слишком баловала Астафьева и закармливала его литературными гонорарами и премиями, буквально «озолачивая» его. Ах, как нравится автору статьи считать деньги в чужих карманах! И тут же — его собственные сетования: почему же его-то самого никто не «озолачивает»? — ведь он-то тоже писатель!.. А теперь — правда о «закармливании» Астафьева со стороны советской власти.

Имея некоторый опыт общения с читателями, я обратил внимание на одну странность в их среде: те читатели, что выросли и «возмужали» в 1960–1970-е, т. е. в самые относительно благополучные за всё советское время годы, прекрасно замечают литературные красоты в произведениях Астафьева — и «в упор» не видят описанных им страшных народных бедствий (и, соответственно, бедствий его героев). Эти самые читатели просто не замечают таких, вроде бы незначительных деталей, едва проступающих фоном в «Последнем поклоне», как, например, бабушка Катерина Петровна выпрашивает у соседней горстку муки, чтобы испечь лишней пирожок внуку-сироте (ведь у них с дедушкой в коллективизацию было отобрано большевиками всё: земля, домашний скот, дедушкина мельница); или как в Игарке героя-полусироту отправляют из семьи в детдом, так как в детдоме можно лучше одеться и прокормиться, чем дома; или как среди

бедствий начала войны юноша-герой, ухачь в ФЗО и работая затем на железной дороге, едва держится на ногах от постоянного голода, а в голове изо дня в день — одна-единственная мысль: «чего бы пожрать?»... А послевоенные бедствия его и его семьи, вплоть до 60-х годов (о которых он лишь намекал в советское время и описал их полностью только в 90-е гг. в повести «Пролётный гусь»)?

Почему такая аберрация зрения происходит у упомянутой мною части читателей? Ну, во-первых, потому, что «сытый голодного не понимает». А во-вторых, что ещё существенней, детали бедствий в рукописях Астафьева советника были намного резче, однако цензура советского времени заставляла его многократно вымарывать всё, сколько-нибудь «крамольное», годами «мурыжа» почти каждое его произведение, даже короткие рассказы, так что в конце концов драматический этот фон приглажен до минимума: почитайте внимательней его письма близким друзьям в изданиях его писем (на которые я уже ссылаясь): сколько проклятий он посылает в них в адрес власти предрержавшей и её партийных цензоров, как проклинает свою судьбу советского писателя и как слёзно жалуется друзьям, что порой от бессилия перед издателями ему хочется навсегда бросить писательский труд и даже покончить с собой, т. к. он уже не мыслит себя без писательства.

А постсоветское время, 90-е годы, когда на него, уже всемирно известного писателя, и в самом деле посыпались одна за другой литературные премии, а издатели стали особенно обильно его издавать (в советское время им чаще всего навязывали издавать «правильных» с партийной точки зрения, но непопулярных у читателя писателей и в то же время «придерживать» любимых ими)? Казалось бы, именно в эти годы на него и полился настоящий «золотой дождь»? Но дело-то в том, что и гонорары, и премии в эти годы катастрофически обесценивались. Помню, он сам жаловался нам с грустной усмешкой, что за публикацию романа «Прокляты и убиты» в четырёх номерах «Нового мира» в середине 90-х годов (над которым он работал более двадцати лет!) ему прислали аж семь с чем-то тысяч рублей, на которые большой семье можно было тогда прожить не больше недели.

Да, со второй половины 60-х по 80-е годы он был вполне благополучен (во всяком случае, с точки зрения автора статьи). И всё-таки благополучие его было относительным, если учесть, что семейство его разрасталось (а единственным кормильцем был он один), что он помогал (материально) очень многим людям: многочисленным родственникам, разбросанным по всей стране, своим однополчанам и односельчанам, особенно когда они старели, болели и лишались средств к существованию, и обязательно давал (или посылал)

деньги на их похороны. Ведь он эту свою сторону жизни никогда не афишировал; о ней знают лишь немногие.

А что касается «партийных апартаментов», которыми, опять же, упрекает его автор статьи, то позвольте: в Красноярске он жил в стандартной трёхкомнатной квартире в стандартном же панельном доме — у нас в Красноярске сотни тысяч живут в таких «апартаментах». Правда, ему добавили дополнительно две комнаты, когда они с Марией Семёновной, будучи уже пожилыми и больными людьми, взяли на воспитание двоих внуков после смерти дочери — так, может быть, автор статьи попрекнул В. Астафьева именно этими двумя лишними комнатами?.. Да, имел он ещё машину, но т. к. был слеп на один глаз — ему приходилось держать за свой счёт водителя-пенсионера. И его домик в Овсянке был скорее тесным, нежели просторным; большинство деревенских домов там даже в советское время было намного просторней.

Вспоминаю ещё один его устный рассказ, изложенный им тоже с грустью и даже чуть-чуть с завистью — о том, как ещё в советское время, когда он был однажды в Венгрии, его, писателя с мировой славой, пригласил к себе в гости какой-то венгерский писатель, никому за пределами Венгрии не известный — каким огромным дворцом показался нашему классику двухэтажный коттедж этого писателя!

Так что если говорить о благополучии Астафьева, то, учитывая, что во второй половине XX века он был самым читаемым и самым широко издаваемым в России и в мире советским писателем — он должен был быть самым благополучным из всех российских писателей; но он им не был — мы были осведомлены о жизни советских столичных писателей-миллионеров с их роскошными квартирами и роскошными же писательскими дачами. А у Астафьева ничего этого не было! Почему? Ведь, в отличие от всех остальных своих собратьев, своими книгами он давал государству выручки не меньше, чем средних размеров завод или большой совхоз, причём большая часть этой выручки была в иностранной валюте! Однако более 90% валюты государство забирало себе, остальное отдавая писателям в рубли; но даже этот перерасчёт на рубли был грабительским (по 56 копеек за доллар). Так что и этот упрёк в адрес Астафьева несостоятелен: не государством было его благодетелем — а наоборот, он сам был щедрым благодетелем государства (а также — тех писателей, которых мало издавали и ещё меньше читали, т. к. эти писатели издавались и материально поддерживались за счёт писателей многотиражных).

И его прижизненная слава не была «дарована» ему «красной империей», как уверяет автор статьи, без конца повторяя, как мантру, про «власть, которая сделала его писателем» и «ублажила писателя

великими почестями». Нет, эту славу он сам шаг за шагом отвоёвывал у «красной империи». Если заглянуть в уже упомянутые мною издания его писем, можно найти в них его многочисленные жалобы друзьям на цензоров, редакторов и издателей этой самой «красной империи», чуть не всё советское время изматывавших ему нервы. Так, например, свою повесть «Кража» он не мог издать около семи лет, многократно переделывая её; повесть «Пастух и пастушка» была переделана им, как уверял он сам, четырнадцать раз!

И всё-таки он издавал их, благодаря изнурительному труду, терпению и упорству, а также благодаря всенародной поддержке и любви к его книгам и публикациям, да разве ещё благодаря помощи надёжных и влиятельных А. Н. Макарова, Н. Н. Яновского, писателя М. Н. Алексеева и ещё нескольких таких же верных ему и влиятельных друзей. Но ведь в Союзе писателей СССР было более десяти тысяч писателей, и «красной империи» было из кого выбирать; почему же она всё-таки издавала Астафьева? Потому что, зная, насколько он популярен и любим среди читателей, она изо всех сил пыталась навязать ему свои задачи в литературе.

И непонятно, почему автор статьи насмешничает над тем, что учёные филологи и лингвисты тщательно, «до буковки», изучают творчество Астафьева? Было бы понятней, если б насмешничал над этим малограмотный, плохо образованный человек — но человеку, числящему себя писателем, надо бы не насмешничать, а задуматься над этим: значит, в текстах Астафьева есть какие-то тайны, не поддающиеся пониманию с первого прочтения, а потому, как и всякого классика, его надо многожды перечитывать и изучать. Тем более что ещё не все его тексты опубликованы: так, например, множество писем его ещё ждёт расшифровки, публикации и изучения, причём именно в письмах к его друзьям — самые ценные мысли и искренние признания. Подозреваю, что автору статьи просто недостаёт понимания масштаба личности и творчества Астафьева. Видимо, и в самом деле «большое видится на расстоянии», а тут на тебе: «сживали рядом в дружеских застольях», — а «друг»-то вон куда взлетел, оставив собутыльников ни с чем!.. Сквозь строки автора статьи так и слышится немой возмущённый крик: «Не по-дружески это!.. А я-то чем хуже?..»

Непонимание масштаба личности и творчества Астафьева пробивается и в следующей фразе из упомянутой мною статьи: «Единодушно, единомышленно и равноправно с именитыми деревенщиками вошёл в русскую литературу Виктор Астафьев». Получается, что автор статьи великодушно снисходит до Астафьева, причисляя его к «именитым деревенщикам». А ведь по многим факторам: по силе изображения жизни и глубине осмысления её, по объёму сделанного,

по широте тем, вопросов, проблем, которые он озвучил и заставил читателей осмысливать их, по высочайшему накалу писательского темперамента, по высокой степени совершенства языка и стилистики его текстов, по огромной любви и интересу к его творчеству со стороны как читателей, так и исследователей его творчества, которые не иссякают до сих пор,—он превосходит всех своих коллег-писателей второй половины XX века. Так что история, «баба капризная», делает свой выбор: стало быть, пришло время назвать его великим русским писателем среди современных ему «известных» и «именитых» коллег (не побоюсь произнести слово «великий», если даже обижу целую вереницу писателей, претендующих на это звание, и массу читателей, «болеющих» за этих писателей).

И наконец, последнее возражение—на обвинение Астафьева в ненависти к России и русскому народу. Но прежде чем возразить на обвинение, хочу уточнить одно часто употребляемое автором статьи понятие: «наша родная власть».

Согласно авторскому подтексту, под «родной властью» он подразумевает так называемую «советскую власть». Почему «так называемую»? Потому что начиная с Октябрьского переворота и до самого развала СССР понятие «советская власть» было чистой воды эвфемизмом, которым прикрывался жёсткий диктат большевиков-коммунистов—сам хорошо это знаю: неоднократно бывал в советское время членом избирательных комиссий по выборам в эту самую власть, сам считал бюллетени, почти половина которых были исчеркана и исписана непотребными словами, а потом председатель комиссии докладывал выше, во власть партийную, об участии в выборах 99,98% избирателей. Ну да ладно, для упрощения дальнейших рассуждений воспользуемся понятием «советская власть». Что же она собой представляла?

В начале 2000-х годов в России было проведено несколько независимых научно-социологических исследований по советской и российской демографии XX века; результаты их имеют мало расхождений между собой, поэтому воспользуемся лишь одним из них: исследованием члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств, президента общественного фонда «Славянский Мир» В. Н. Гетманова (Новосибирск, 2007): «Российская демография 19–21 веков».

Согласно этому исследованию, в 1917 году население России (в границах Российской империи, но без учёта Польши и Финляндии) составляло 165,7 млн чел. (кстати, в 1914–1917 гг. в России на фронтах Первой мировой войны погибло 4 млн чел., в то время как за счёт высокой рождаемости население России выросло за эти годы на 2 млн чел.).

А в 1922 году население СССР, преемницы Российской империи,—136,1 млн чел.; т. е. убыль

населения составила около 30 млн чел.! С учётом того, что в эти годы шёл также и естественный прирост населения за счёт продолжающейся высокой рождаемости, то истинные потери населения за 1917–1922 годы составили 35–37 млн чел. Отчего такие огромные потери?

Во-первых, это результат беспримерной по масштабу братоубийственной гражданской войны в виде убитых, расстрелянных, умерших от ран и отсутствия лекарств, от голода и инфекционных болезней, а также от массовой эмиграции (до 4–5 млн чел.) в страхе перед большевиками.

Во-вторых, это уменьшение площади страны (и, естественно, населения) за счёт потери Прибалтики и Молдавии.

И в-третьих, это результат беспримерной по масштабам крестьянской войны, развернувшейся в России уже по окончании войны гражданской, когда из-за непосильных поборов, наложенных большевиками на российское крестьянство в виде зерна, мяса, шерсти, кож, а также непомерных обязательных тягот в виде заготовки дров для городов, сена для армии, крестьяне начали восставать против большевиков и собираться в повстанческие отряды. Самым массовым это движение было в наиболее плодородных и продуктивных в сельскохозяйственном отношении регионах страны: на юге России и Украины («махновщина»), в Центрально-Чернозёмном регионе с центром в Тамбовской губернии («антоновщина»), в Среднем и Нижнем Поволжье, в Оренбуржье, в Западной Сибири, на Алтае, в Прииртышье («Сибирская казачья линия» с центром в Семипалатинске). О масштабах этого движения говорят следующие цифры: в повстанческой армии Н. Махно, например, насчитывалось до 35 тыс. человек, в повстанческой армии Антонова—до 70 тыс. Но самое масштабное—и наиболее замалчиваемое!—повстанческое движение в Западной Сибири с центром в Тюменской области; в этой повстанческой армии насчитывалось до 120 тыс. чел., причём армия эта была построена по военному принципу: делилась на фронты, дивизии, полки, роты и т. д.

Против повстанцев направлялись регулярные войска с использованием пехоты, кавалерии, артиллерии, даже авиации и отравляющих газов. Пленны, как правило, не брали; было негласное постановление вЦИК, разрешающее расстреливать каждого повстанца, держащего в руках оружие, и каждого человека, укрывающего повстанца, а также сжигать дома, принадлежавшие повстанцам, а имущество их, землю и скот раздавать соседям. То есть это была крупномасштабная война большевиков с российским крестьянством на уничтожение. Естественно, никто жертв этой войны не считал, но, по прикидке специалистов, в СССР с обеих сторон в ней погибло более миллиона человек, девять десятых из которых—наиболее производительная

часть населения, крестьяне. А конечный результат этой войны — полностью разорённое сельское хозяйство страны и последовавший затем страшный голод 1921–1922 годов, разразившийся именно на тех территориях, где шла эта война, и гибель ещё нескольких миллионов человек (факты и цифры этой войны взяты из книги П. Ф. Алёшкина и Ю. А. Васильева «Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и её последствия (1918–1922)» (М.: «Голос-пресс», 2010). Кстати, один из упомянутых авторов этой книги, кандидат исторических наук Пётр Фёдорович Алёшкин — член Союза писателей России, издатель молодёжного патриотического журнала «Наша молодёжь» и сам активный патриот.

Следующая крупномасштабная война с российским крестьянством — годы коллективизации и индустриализации (1926–1934). Коллективизация сельского хозяйства производилась жесточайшими методами: поголовно у всех крестьян, и состоятельных, и бедных, обобществлялись (т. е. попросту отбирались) земля, скот; сельхозинвентарь, а миллионы «кулаков» вместе с семьями высылались на Север, так что рождаемость в стране в эти годы была даже не плюсовой, а минусовой (т. е. детей умирало больше, чем рождалось), и названа эта коллективизация в позднесоветской публицистике «сталинским разгромом деревни».

Но причём здесь, спросите вы, ещё и индустриализация? А при том, что она опять осуществлялась за счёт тотального обирания крестьянства. Результатом этого стала следующая волна голода 1926–1933 годов. В результате коллективизации и её последствий, по данным социологов, прямые и косвенные потери населения в стране в 1926–1932 годах составили 2,3 млн чел., а в 1932–1933 годах — 6,5 млн чел., т. е. в сумме 8,7 млн чел. (косвенные потери населения — это потери из-за не родившихся детей, когда родители умирают в репродуктивном возрасте, или из-за голода и крайней нищеты женщины перестают рожать).

О «сталинских» репрессиях 1937 года, кажется, не писал в наше время только ленивый. Однако социологи с карандашами в руках подсчитали, что в этих репрессиях погибло «не так уж много людей» по сравнению с другими потерями — всего-то около 2 млн чел. Но что это были за потери? Откройте большой энциклопедический справочник, проследите годы смерти крупных учёных, инженеров, военных и политических деятелей, деятелей литературы и искусства, живших в 30-е годы XX века — и вы увидите, что огромное большинство их умерло в 1937–1938 годах, и это не случайно: именно интеллектуальную и духовную элиту страны планомерно уничтожала сталинская кровавая машина, чтобы посеять в стране всеобщий страх, обезглавить и плебеизировать общество, превратить его в безмолвный и покорный рабочий скот.

Общие прямые потери населения страны в Великой Отечественной войне тоже уже общеизвестны — это 26 млн чел. Но вместе с косвенными потерями и демографическими провалами рождаемости через каждые 20–25 лет как следствием вов эти потери населения страны составили около 35 млн чел. Мало того, недавно появилась информация, что в 2017 году в Госдуме поднимался вопрос о последних подсчётах общих (прямых и косвенных) потерь в вов; была представлена обоснованная цифра в 41 млн чел.; однако решено было эту цифру не публиковать, дабы окончательно не дискредитировать советскую власть среди соотечественников и среди мирового сообщества.

Однако существовала на свете книга под названием: «1941 г., 22 июня» (М.: «Наука», 1965, автор — доктор исторических наук А. М. Некрич); книга написана на основе немецких (изъятых у фашистов) и советских (к тому времени ставших доступными для изучения) документов. У меня есть копия протокола обсуждения этой книги на учёном совете в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (достал я её ещё в 60-е гг.). На учёном совете присутствовало 160 человек, в том числе много учёных со званиями академиков и докторов наук, а также генералов — участников вов. Разговор при обсуждении начала войны шёл суровый и откровенный, и обсуждались (в дискуссиях) там чудовищные факты преступного поведения Сталина и его ближайшего окружения перед началом и в самом начале вов, а также неразберихи в Красной армии из-за некомпетентности высшего командного состава, когда три четверти его было уничтожено в репрессиях, а оставшиеся были просто не способны что-либо делать. И в то же время военные историки, учёные и генералы утверждают (приводя при этом неопровержимые аргументы), что у СССР было вполне достаточно вооружений и сил, чтобы остановить наступление немецких армий на расстоянии 200–300 км от границы — и, стало быть, избежать таких чудовищных потерь. И эти исторические факты тоже до сих пор не обнародованы как самая секретнейшая на свете информация, а сама книга в 1967 году была запрещена, подлежала уничтожению во всех библиотеках страны и до сих пор в России не переиздана.

Кстати, уже после войны был зарегистрирован ещё один голодный год, 1946-й, когда страну постиг новый неурожай, а ресурсов, чтобы пережить его, не было; и погибло ещё около 1 млн чел.

После 1946 года катаклизмов в виде крупных войн и тотальных голодовок в СССР больше не случалось, однако были катаклизмы иного рода.

У меня в руках — доклад доктора юридических наук Г. И. Литвиновой «О дальнейшем совершенствовании национальных отношений и укреплении

дружбы народов СССР» (на научно-социологической конференции в Новосибирске в 1985 г.), и опять секретный, в официальной печати не публиковавшийся. Казалось бы, название доклада — вполне позитивное, в духе официальной советской терминологии, однако цифры и выводы, содержащиеся в нём, поражают чудовищной несправедливостью политики КПСС по отношению к населению РСФСР по сравнению с населением остальных республик. Приведу лишь несколько фактов.

Основными источниками наполнения бюджета в СССР были подоходный налог и налог с оборота; причём все союзные республики (кроме РСФСР) оставляли в своём бюджете 100% этих поступлений; РСФСР же оставляла у себя лишь 50%; остальные 50% отдавались другим республикам в виде дотаций.

Далее, личные доходы крестьян в РСФСР были самыми низкими в стране — в 10 раз ниже, чем, например, в Узбекистане, и в 15 раз ниже, чем в Грузии. Это было главной причиной того, что русская молодёжь в массовом порядке мигрировала в союзные республики, в результате чего в РСФСР резко падала рождаемость, а в остальных увеличивалась, и в то же время 22 млн россиян оказались теперь в ближнем зарубежье.

Далее, в РСФСР к 1985 году в расчёте на душу сельского населения были намного ниже, чем в остальных республиках, энерговооружённость сельского хозяйства, количество жилья, дорог, сельхозмашин, минеральных удобрений, что отрицательно сказывалось на урожайности и, естественно, на заработках сельских жителей.

По количеству научных работников, а также лиц с высшим образованием среди занятого населения (в расчёте на 1 тыс. человек) РСФСР оказалась на последнем месте среди других республик, и в то же время РСФСР была на первом месте по процентному количеству женщин среди лиц, занятых малоквалифицированным, вредным для здоровья и тяжёлым физическим трудом (что в конце концов сказывалось на здоровье нации и уровне рождаемости).

И это лишь малая часть примеров дискредитации населения РСФСР; какую бы сферу жизни советского государства, руководимого «родной» КПСС, ни взять: политическую, экономическую, социальную, демографическую, образовательную, культурную, — везде была целенаправленная дискриминация россиян.

Ну и наконец, самый крупный катаклизм в жизни государства второй половины XX века, случившийся уже на глазах у всех, — это распад СССР (преемницы дореволюционной России) и все связанные с распадом невиданные народные бедствия. Потери народонаселения России за 1992–2013 годы оцениваются социологами примерно в 13 млн чел.

Партия советских и российских большевиков-коммунистов всегда пыталась (и пытается до сих пор) уйти от ответственности за все свои преступления в течение всего времени её правления, навешивая их на отдельных руководящих лиц: то на Троцкого и его сподвижников-евреев, якобы главных виновников в развязывании гражданской войны и её преступных зверств, то на Сталина, «главспеца» по национальному вопросу (в том числе и по расчленению страны на республики, то бишь на мелкие княжества), то на Сталина вместе с Берией, развязавших тотальный террор против народа, то на Хрущёва, «главного волонтариста» партии (да ещё «подарившего» Крым Украинской ССР), то на Горбачёва с Ельциным, якобы единственных виновников развала СССР. Это стандартный приём партии большевиков-коммунистов по уваливанию от ответственности. А как всё происходило на самом деле? Откройте и почитайте партийные газеты, выходившие с 1917 по 1992 год; с самого начала её правления в 1917 году и до саморазвала её в 1992 году: ведь все решения партии были коллективными; на всех проектах своих решений все до одного члены главных руководящих органов партии ставили собственные подписи, затем проводилось утверждение этих проектов с личным голосованием всех членов этих руководящих органов, а после этого проводились съезды (или конференции) партии; на них обсуждались эти решения (как всегда то была единодушная поддержка «родной коммунистической партии») и проводилось голосование этих решений (как всегда — единогласное). Так что во всех кровавых злодеяниях и нравственных преступлениях против государства и против народа виновата только партия большевиков-коммунистов вместе со всеми её руководителями (составлявшая, кстати, невиданную в мире партийную армию в двадцать миллионов человек!). И на каждом члене партии (и уж тем более на каждом, без исключения, её руководителе) есть кровь. Много крови.

Теперь откройте любой справочник по народонаселению всех стран мира в XX веке, посмотрите, как изменилось количество населения разных стран в XX веке, и вы увидите, что население огромного большинства их за 100 лет увеличилось, как правило, в 2–3 раза. Даже в Германии, развязавшей в XX веке 2 мировые войны и в обеих потерпевшей поражение, население увеличилось в 1,5 раза. Единственная страна в мире, в которой население не выросло, а даже уменьшилось, — это Россия.

В 1900 году (так же, как и в 2000-м) были модными прогнозы крупных учёных относительно нового, XX века; делались они и в России. И великий русский учёный Д. И. Менделеев сделал такой прогноз: население России к 1950 году должно было составить 300–350 млн чел. Если продолжить экстраполяцию этой цифры до 2000 года,

население её должно было бы составить 600–700 млн чел. А на самом деле после почти векового правления большевиков-коммунистов конечный итог таков: если в 1917 году в Российской империи проживало (как мы уже говорили) 165,7 млн чел., то в 2017-м — 146 млн чел., т. е. потеря населения за 100 лет составила примерно 450 млн чел.! Да при этом ещё потеряна почти четверть своей территории. Вот он каков — чудовищный результат правления большевиков-коммунистов!

Но кроме этих неисчислимых людских и территориальных потерь от их правления, не менее страшны их преступления нравственного порядка: беспощадная борьба с религией (с убийством многих тысяч священников и разрушением тысяч храмов), разрушение института семьи (якобы источника индивидуалистического и мелкобуржуазного воспитания), воспитание ненависти к собственности и собственникам, неуважение к интеллигентному труду: труду врача, учителя, научного работника, работника культуры (зарплата которых всегда была ниже средней зарплаты по стране — на уровне самых низкоквалифицированных рабочих) и т. д. и т. п. А чего стоит поощрявшееся большевиками-коммунистами научное мракобесие запретом генетики, кибернетики, социологии и других «буржуазных» наук, а также разгром и уничтожение целых научных школ, затормозившее развитие в России науки в целом на целые поколения!

Плоды этой «деятельности» мы пожинаем до сих пор, и неизвестно, сколько ещё поколений будут пожинать их в будущем.

Причём власть большевиков-коммунистов, словно гигантский клещ, так глубоко впилась в тело государства, что удаление этого, уже омертвевшего, клеща произошло вместе с развалом страны, так что, может быть, эта власть и была кому-то «родной» — но для народа и страны она была гибельной, потому и рухнула почти в одночасье: т. к. всякая власть, утвердившаяся на крови, лжи и жесточайшем насилии, в конце концов обречена; об этом написано в Библии и многократно повторялось в трёхтысячелетней истории мировой культуры, но малограмотным, полубразованным большевикам-коммунистам на эти предсказания было глубоко наплевать.

А к чему я привёл столь пространное отступление от основной темы? Да к тому, что В. П. Астафьев много читал, многим интересовался, постоянно встречался с высокообразованными и имевшими большой запас информации людьми, и потому вся та информация, которую я здесь привёл, ему, конечно же, была хорошо известна. Мало того, он всю жизнь, начиная с раннего сиротства, беспризорничества, бродяжьей жизни, нищеты и голода, на своей, как говорится, шкуре испытал все «прелести» «родной» автору статьи власти.

Изображением этих испытаний пронизано практически всё его творчество. И любят-то его книги простые читатели в первую очередь не за красоты стиля, а именно за пронзительную боль и страдания народные, так страстно им поведанные.

Но, как и всякий масштабно мыслящий писатель, он не ограничивался одним лишь изображением народных бед — а, обобщая, неизбежно выходил на изображение порочной тоталитарной системы с её бездушной государственной машиной, унижающей, растлевающей и убивающей личность.

При этом всё его творчество, начиная с первых рассказов о войне и заканчивая последними повестями, рассказами и «затесями», — это непрерывное объяснение в любви к «малым сим»; и в то же самое время в его творчестве постоянно присутствует — пусть иногда под сурдину — протест против всякого насилия над личностью ли, над деревней, над природой, над народом; а иногда и страстная, во весь голос, ненависть ко всей советской власти и её прихлебателям.

Достаточно вспомнить «запев» в его «затеси» «Прихлебатели», написанной уже в постсоветское время: «Долго я искал в старых сибирских словарях это слово... и не нашёл. В ожоговском словаре кратко — подхалим, дармоед. Зато уж если кому доведётся составлять словарь советской эпохи, слово „прихлебатель“ займёт в нём главенствующее место. Сказано, что социалистическая система — самая лучшая для воровства, но уж советское время, новая наша эпоха, несомненно, самая плодovitая для прихлебателей. Они так тучами и следовали за трудовым народом, и впереди всех толп бравое комиссарство в галифе — главные прихлебатели века...» Слышите? Даже в этом крохотном отрывке Астафьев чётко разделяет «трудовой народ» и советских «прихлебателей». Так, может быть, упомянутый в начале этих заметок автор статьи потому так страстно и защищает «нашу родную власть», в то же время обвиняя Астафьева в ненависти к России и русскому народу, что принимает за Россию и русский народ именно этих самых прихлебателей его «родной власти»?

А вот что пишет Астафьев об этой же самой власти в письме своему ближайшему другу-писателю: «Живём мы, как и все уже старики, похварывая и тревожась о будущем детей наших и совсем почти разрушенного Отечества нашего. Державшееся на ржавых гвоздях и гнилых верёвках лжи и демагогии государство рухнуло, началась расхватуха, мародёрство, и первыми грабителями были и остались партийные деятели, которым удалось убедить наш убогий народ, что обокрал его американец клятый, а коммунисты — святые люди, лишь то и делали в своих партийных квартирах в двести метров на двоих, что печалились о народе» (письмо Е. И. Носову от 17 февраля 1996 г.).

Да, вместе с той же ненавистью к прежней власти он употребляет выражение «убогий народ», но ведь в нём—всего лишь жалость к своему народу...

Впрочем, иногда в его письмах и публичных выступлениях, особенно в 90-х годах, и в самом деле прорывалось раздражение своим народом. Вот что пишет он в другом письме, другому адресату, в год 50-летия Победы: «...Весна плохая, народ, разогнавшийся в праздники, гуляет, отмечает, празднует, достаёт и в деревне, целится камерами, фотоаппаратами, тянет из души патриотическое слово о Родине и народе дорогое, да о Великой Победе. А у меня их нет, да и не было в душе-то, ибо я раньше других сперва почувствовал, а потом и увидел трагедию своего народа, сваленного в червивую яму коммунистами. И отсюда так и не выбравшегося, да и не желающего выбираться. Оказывается, можно жить и в помойке, пусть и в облике животного. Нашлось (и немало) так уж униженных, до скотства доведённых, что им помойка—родной дом. Погибает бедный народишко, погибает, и вроде как не осознаёт этого, что давно его лишили сознания и разума. Уж коли он снова за большевиками, а не за Богом устремился, значит, сам себя и приговорил к кончине. Дело в сроках, но большевички сократят эти сроки и, погибнув во зле и смраде, погубят и страну, и народ» (письмо Г. В. Вершинину от 28 мая 1995 г.). Но не ненависть же к народу звучит в этом письме—а лишь раздражение им, да ещё большая тревога от предощущения гибели его, и печаль писателя от собственного бессилия противостоять этой гибели. Так ведь в 90-е годы у многих писателей, страстно любящих Родину и свой народ, было это апокалиптическое чувство предстоящей гибели страны и народа.

И в то же время что ни письмо, написанное им в 90-е годы, то непременно—скромное, негромкое объяснение в любви к товарищам-писателям, к товарищам-фронтовикам, к своим односельчанам, к родной земле, к своему народу, а также боль и тревога за них в те тревожные годы.

Особенно примечателен в этом отношении один текст Астафьева: вдова его, Мария Семёновна, разбирая после его смерти «рыбачий» ящик, с которым он ездил раньше рыбачить на далёкие таёжные реки, с удивлением случайно наткнулась в этом ящике на мятый лист бумаги с написанной его рукой молитвой о спасении своего народа, обращённой к Христу. Для экономии места приведу здесь только один абзац этой большой молитвы: «Спаситель мира, Иисусе Христе, ты отверз очи слепорождённому—открой глаза и нашему русскому народу, дабы он познал Твою Святую волю, отрёкся от всего дурного и стал народом богобоязненным, разумным, трезвым, трудолюбивым и честным...». Что это за молитва? Остаётся предположить, что он, видимо, сочинил

её на тех далёких таёжных реках и там же, в одиночестве, неоднократно её произносил.

Но вот чего нет ни в письмах, ни во всех произведениях Астафьева—так это слов о «патриотизме», о «любви к России», «любви к Родине». Он просто не терпел этих громких слов и вот что писал о тех, кто любил и любит произносить такие слова (заметьте, цитата взята из книги, изданной ещё в советское время, в 1980 г.): «Крики в литературе, битье себя в грудь и заверение в том, что ты вот любишь родину, а другие вроде бы уж и не любят её и не умеют любить, свойственны больше людям неумным... Я уже заканчивал курсы (Высшие литературные курсы в Москве.—А.А.) и за два года наслушался всякой всячины и заметил уже, если „борец“ орёт слова: «Россия, Родина» и т. д. и т. п., то значит поблизости есть кто-то из тех, кому это услышать надлежит, кто может за эти «патриотические» крики заплатить рублишко, напечатать подборку стихов, увеличить тираж книги и даже ввести в какую ни есть редколлегию... Нет бескорыстных витий, особенно в литературе. Бескорыстные, как правило, талантливы, и им кричать не надо, за них говорят стихи, книги, перо—словом, их уединённый, тяжкий труд...» (В. Астафьев. *Посох памяти*. М.: «Современник», 1980). Так что неприятие таких вот «патриотов» появилось у Астафьева не в 90-е годы, как уверяет упомянутый мною выше автор статьи, а намного раньше, хотя особенно ярко проявилось оно у него именно в 90-е, и тому есть причины: после роспуска КПСС руководители новой партии, КПРФ, получили мощный рупор своей пропаганды в многотиражном тогда, руководимом Ст. Куняевым журнале «Наш современник». Вокруг этого журнала группировались и «совпатриоты», горячо поддерживавшие КПРФ, надеясь, конечно же, на возвращение к власти коммунистов и, соответственно, на возвращение прежних писательских материальных благ (тем более что возвращение коммунистов к власти в России было в 90-х гг. вполне возможным). Именно этот альянс и отталкивал от «совпатриотов» Астафьева, имевшего к большевикам-коммунистам слишком много претензий.

Но времена меняются. В наше время появилось мощное патриотическое движение, дистанцирующееся от коммунистов; у них появилось множество собственных СМИ. Да и сама КПРФ постепенно перерождается, становясь цивилизованной парламентской партией; много значит тут и пример коммунистов Китая, успешно строящих современное рыночное общество и достигших на этом поприще невиданных успехов. Только наш, упоминаемый выше автор статьи так и остался в 90-х, повторяя и перефразируя цитаты из старых-престарых редакционных статей Ст. Куняева, обращённых против Астафьева. Но то был диалог с естественными в публицистике перехлёстами,

в котором живой ещё Астафьев называл весь «патриотический лагерь» «Нашего современника» «красно-коричневыми», а Ст. Куняев, в свою очередь, обвинял Астафьева в ненависти к России и русскому народу, явно при этом передёргивая: выдавая за Россию и русский народ «патриотический лагерь» «Нашего современника».

Хотя, конечно, именно в 90-е годы и в публичных выступлениях, и в письмах у Астафьева среди полемического пыла иногда и в самом деле проskalьзывает гневное бичевание тяжёлых пороков русского народа: «Так, видно, и остынет обиженная и израненная земелюшка, и скоты, её населяющие, в пьянстве, зле и суете не заметят, что давно уже погибают. И погибнут, танцуя и вопя о всеобщем совокуплении, называя это любовью» (письмо Е. И. Носову от 1 декабря 1995 г.). Но от ненависти ли к народу подобные гневные высказывания? Чтобы не искать новых мыслей о его неиссякаемой, несмотря ни на что, любви к своему народу, я повторю лишь одну фразу из своего старого очерка: «Любовь к людям у него своеобразна: он любит их, как строгий отец патриархального склада — своих малых чад: горячо и нежно, готовый умиляться ими до сладких слёз и самоотверженно защищать их от чужих наветов и обид, но за малые проступки готовый обязательно попенять им, а уж за крупные — снять ремень да и настегать пребольно по мягкому месту: не ленись! не пей! не воруй! не лги! не подличай!»

А вообще, надо ли использовать писателю или поэту «юваналов бич» в изображении пороков своего народа? Может быть, из любви к нему нужнее скрывать его пороки и лишь воспевать его добродетели?

Но как быть, например, с поэмой великого русского поэта-демократа Н. А. Некрасова «Эй, Иван!» (которую, кстати, издатели никогда не вставляют в современные сборники его поэзии, стыдливо её замалчивая)?

Вот он весь, как намалёван,
Верный твой Иван:
Неумыт, угрюм, оплёван,
Вечно полупьян...

И так далее — три страницы стихотворного текста, главный герой в котором — простонародный тип подневольного, почти потерявшего человеческий облик русского человека (между прочим, очень напоминающего сегодняшнего «алкаша»).

Или, например — с таким вот стихотворением известного советского поэта М. Дудина, Героя Соцтруда, лауреата Госпремии СССР, автора более 70 поэтических книг (и тоже, как сказал бы упомянутый мною в начале моих заметок автор статьи, «закормленного нашей властью» и «ненавидящего Россию и русский народ»)?

Был дом и поле на два дышла,
Там ни двора и ни кола.
России нет. Россия вышла,
И не звонят колокола.
О ней ни слуху и ни духу,
Печаль никто не сторожит.
Россия глушит бормотуху
И кверху задницей лежит.
И мы уходим с ней навеки,
Не уяснив свою вину.
А в Новгородчине узбеки
Уже корчуют целину.

Между прочим, это стихотворение, в советское время не публиковавшееся, прислал В. П. Астафьев Н. Н. Яновскому в письме от 6 июня 1982 года.

А как быть с мемуарными эссе, в которых вызывающие большое доверие русские писатели И. Бунин, И. Шмелёв, М. Горький, В. Короленко и др. с возмущением описывали не только зверства «революционной» власти, но и недостойное поведение народа, буквально озверевшего и быстро опустившегося во время Русской революции? Или, например, со стихотворением Макс. Волошина «Мир», написанным 27 ноября 1917-го, т. е. в первые дни после Октябрьского переворота:

С Россией кончено... На последях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на пыльных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль... — и т. д.

Большевики-коммунисты поступали со всеми этими произведениями просто: запрещали и тщательно прятали от народа. Помогло это им избежать полного краха? Нет.

Острые дискуссии о том, где грань между обличением пороков народа в художественной литературе и откровенным оскорблением национального чувства, велись в России ещё в середине XIX века. Так, московский литературный журнал «Москвитянин», объединявший писателей-славянофилов, резко выступал против творчества Н. В. Гоголя после публикаций пьесы «Ревизор», повести «Шинель» и романа-поэмы «Мёртвые души», обвиняя автора в пошлости, одностороннем изображении «низкого» в русской жизни и оскорблении национального чувства.

За Гоголя вступился В. Г. Белинский в своей статье «Ответ „Москвитянину“» (1847). Вот что он писал в ней, защищая произведения Гоголя, а заодно и высказывая принципы «натуральной школы» (т. е. реализма) в литературе (приведу лишь несколько фраз из этой большой статьи): «Он изобразил вам порок, разврат, пошлость:

судите, верно ли, хорошо ли он это сделал; а не толкуйте, зачем он сделал это, а не другое, или вместе с этим не сделал и другого. Говорят: что это за направление — изображать одно низкое и пошлое?.. Подобное обвинение больше всего показывает незрелость нашего общественного образования... Никто не скажет, чтобы англичане не были ревнивы к своей национальной чести; напротив, едва ли есть другой народ, в котором национальный эгоизм доходил бы до таких крайностей, как у англичан. И между тем они любят своего Гогарта (Хогарта. — А. А.), который изображал только пороки, разврат, злоупотребления и пошлость английского общества его времени. И ни один англичанин не скажет, что он оклеветал Англию, что он не видел и не признавал в ней ничего человеческого, благородного, возвышенного... Чем сильнее человек, чем выше он нравственно, тем смелее он смотрит на свои слабые стороны и недостатки. Ещё более можно сказать это о народах, которые живут не человеческого века, а целые века. Народ слабый, ничтожный или состарившийся, изживший всю свою жизнь до невозможности, любит только хвалить себя и больше всего боится взглянуть на свои раны: он знает, что они смертельны, что его действительно не представляет ему ничего отрадного и что только в обмане самого себя может он находить те ложные утешения, до которых так падки слабые и дряхлые...».

Особенно рекомендую вчитаться в последнюю приведённую здесь фразу — о «народе слабом, ничтожном», который «любит только хвалить себя» и «боится взглянуть на свои раны», «зная, что они смертельны». Ведь эти провидческие слова один к одному относятся и к изжившей себя власти большевиков-коммунистов! Не это ли главная причина одряхления и развала её, повлёкшая за собой развал целого огромного государства, СССР? И всё-таки кое-кто из писателей-староверов, которых жизнь так ничему и не научила, продолжают цепляться за обветшавшие принципы той власти и оплакивают её, до сих пор считая «нашей родной властью».

Чтобы очиститься от пороков, как отдельный человек, так и народ, общество в целом должны первым делом осознать их в себе, и помочь им в этом должна в первую очередь художественная литература с её гуманной составляющей. Это хорошо понимали русские писатели XIX века. Зря на неё клеветают (с лёгкой руки В. В. Розанова), будто именно она виновна в великих потрясениях в России XX века. На мой взгляд, всё как раз наоборот: русская литература мало использовала свои апостольские и пророческие возможности, будучи по преимуществу по-дворянски благодушной, уходя в дебри человеческой души или восхваляя и боготворя свой народ; слишком мало было среди них писателей, бичующих, подобно

библейским пророкам, слабости и пороки своего народа и своего общества; тогда бы меньше было влияния большевизма: ведь мотивы деятельности у них совершенно противоположны: большевизм призывал к ненависти, грабежу и убийствам, а литературой, даже бичующей язвы общества, двигает в конечном счёте любовь к народу и желание его воспитывать и исправлять.

Хотя бичевать язвы — занятие почти всегда неблагоприятное. Во всяком случае, в России всегда найдутся поэты и писатели, поющие величальные песни своему народу и своей стране; это легче, да и выгоднее, чем говорить народу тяжёлую, нелюбимую правду. Астафьеву хватило решимости взять на себя эту неблагоприятную работу, особенно в 80–90-е годы, когда перестройка, с одной стороны, дала освобождение народу от большевистского ига, а с другой — вскрыла подспудные язвы и пороки общества, созданного большевизмом. Эта неблагоприятность потекла мутным ручейком протестных писем в его адрес в 90-е годы, вызвав в душе писателя ответную реакцию в виде предсмертного письма, обращённого к своему народу, полного беспросветной горечи и отчаяния.

Думаю, что доживи он до наших дней — это письмо было бы другим: народ, интуитивно нащупывая пути к своему оздоровлению, пусть медленно, черепашьими шагами, но отряхивается от тех язв и пороков, поразивших общество в 90-е годы, и избавляется от того безумия, в котором пребывал. Какая-то часть лекарства от этих язв и этого безумия — и в трудах нашего классика тоже.

Заканчивая свои возражения автору статьи «Поле брани Виктора Астафьева», хочу задать ещё одним вопросом: почему этот автор, житель Иркутска, взялся опубликовать свою статью именно в Красноярске, в альманахе «Енисей»? Ведь в Иркутске, насколько я знаю, выходят несколько периодических литературных изданий, да и сам он, судя по биографической справке, приложенной в альманахе — исполнительный редактор альманаха «Иркутский Кремль»?

Предполагаемый ответ напрашивается сам собой: автору, обильно нагружившему свою статью столькими обвинениями не только в адрес нашего земляка В. П. Астафьева, но и в адрес красноярцев, дорожащих памятью о нём, видимо, очень хотелось подбросить нам «чёрного пиара» о нём и ткнуть нам всем в нос большой кукиш: «Вот вам ваш Астафьев!». Это ведь так современно и так эффектно! К тому же давно известно, что авторы всяческой «чернухи» частенько страдают психическим комплексом, известным как «слава» Герострата, спалившего в своё время одно из семи чудес света, храм Артемиды в Эфесе, только затем, чтобы оставить своё имя в истории, поскольку ничем иным он заслужить память о себе не мог.